

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 811.161.1'28

DOI: 10.17223/22274200/16/5

Т.Б. Банкова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОЛКОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИАЛЕКТНОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ¹

Обоснована логика выстраивания процедуры толкования лексических единиц в «Словаре сибирского свадебного обряда», лингвокультурологическом по типу. Показана специфика выявления культурного коннотативного компонента в семантике слова, реализуемой в диалектном высказывании. Из него извлекаются смысловые фрагменты, которые актуальны для разворачивания лингвокультурологического комментария.

Ключевые слова: традиционная культура, диалектный язык, обрядовое слово, свадебный обряд, лингвокультурологический словарь, культурная коннотация, лингвокультурологический комментарий.

Очередной виток развития Томской диалектологической школы связан с поисками новых форматов представления богатейшего материала, собранного ее представителями за вековую историю своего существования. В настоящее время усилия томских языковедов направлены на реализацию пионерного проекта – «Словаря сибирского свадебного обряда» – очередного шага в изучении говоров Среднего Приобья.

Современная диалектная лексикография разворачивается вокруг идеи взаимодействия языка и культуры, следовательно, требующийся для ее реализации новый формат интерпретации изучаемого материала предполагает коррективы логики лингвокультурологического описания. Составляемый словарь – важнейший этап эволюции школы, потому что сосредоточен на решении проблем, связанных со спецификой словотолкования: это выход за границы традиционной семан-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация» (проект № 16-18-02043).

тизации, установление границы между описанием значения слова и его культурной энциклопедической интерпретацией.

Такой подход переводит «Словарь сибирского свадебного обряда» в разряд словарей культуры, обращенных к национальной специфике, объективированной языком.

Сосредоточение на культурном компоненте в семантике слова, представление его в деталях, а затем интерпретация в словоупотреблении реального бытования лексемы в коммуникативном акте – первостепенная задача словарей, представляющих конкретную лингвокультуру.

Появление фундаментального труда Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (2001) на многие годы определило эталон лингвокультурологического описания. В качестве центральной единицы Словаря избрана константа – концепт русской культуры, устойчивый и постоянный: «...количество их невелико, базовых – четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» [1. С. 5]. Авторская интерпретация словарных единиц также стала образцом, на который впоследствии ориентировалась лексикографическая практика.

Взгляд на слово, в семантике которого репрезентировано культурное «содержание», разворачиваемое в лексикографическом описании, предполагает особую процедуру выявления и презентации культурной составляющей значения: традиционные словари, как правило, ее не фиксируют, но она является актуальной для носителя языка. Феномен «культурного» в семантике слова обозначен в лингвистических трудах поразному: культурная семантика, национально-культурный компонент значения, ассоциативно-культурный фон, культурологическая компонента значения слова и пр.; объединяет их факт использования (лингво)культурологического комментирования, вскрывающего специфику семантики языковой единицы. Этот прием активно применяется в лексикографической практике, является основой толкования, актуализирующего знания о «культурном» бытовании слова в речевой практике национального коллектива. Расширение зоны словоупотребления происходит за счет включения в нее дополнительных энциклопедических знаний. В этом плане фундаментальный труд В.И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка» является вечным образцом.

Современные словари, соединившие энциклопедический и собственно лингвистический подход в описании материала, используют

лингвокультурологический (или этнолингвистический) комментарий «в качестве основного приема словотолкования, заключающегося в фиксации и интерпретации специфических значений языковых единиц, не фиксируемых толковыми словарями, но объективно существующих в языковом сознании членов лингвокультурной общности» [2. С. 23].

В грандиозном труде «Славянские древности» (1995–2012) [3] явления традиционной народной культуры славян рассматриваются как система знаков, за которыми скрыты основы культурных смыслов, что позволило авторам-составителям выделить основные значимые элементы языка культуры, в результате чего «устанавливаются области функционирования каждого элемента в том или ином обряде, тексте, веровании; определяется его семантика и символика. Соответственно словарные статьи могут строиться либо по функциональным, либо по семантическим признакам» [4. С. 292]. Таким образом, это фундаментальное лексикографическое произведение отражает важный этап изучения традиционной культуры, «когда возникло осознание «морфологии» и структуры обрядовых, магических и иных форм народной культуры, разложимости сложных культурных образований на простые элементы, осознание регулярной повторяемости этих элементов или целых их блоков в разных фрагментах такой сложно организованной области, как духовная культура – обычаи, обряды, верования, мифология» [4. С. 292].

В словаре «Русское культурное пространство» (2004) [5] реализована идея описания представлений, бытующих в сознании носителей русского языка и закрепленных за прецедентными феноменами. Отметим лексикографический прорыв составителей в разработке структуры словарной статьи, имеющей три уровня: это фольклорно-энциклопедическая информация, взятая из словарей, энциклопедий, справочников, публикаций по русскому фольклору и народной культуре; затем «стереотипный образ», закрепленный за описываемой единицей; и, наконец, в третьем уровне обозначены условия апелляции к образу и значения, которые эта единица может выражать. В конце словарной статьи помещены устойчивые выражения, образ которых мотивирован народными фольклорными традициями, стереотипными представлениями и т.д. [5. С. 40–41].

«Большой фразеологический словарь русского языка» (2009) – следующий этап разработки технологии лингвокультурологического комментирования. «Впервые в словаре фразеологизмы описываются

как знаки “языка” культуры. В этом комментарии прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением фразеологизма и живодействующей в нем археологии культуры, а также современные установки культуры» [6. С. 4]. Словарь, не имеющий аналогов в мировой лексикографии, вводит в практику культурологический комментарий, который диктует принципиально новую структуру его семантической зоны. Она представляет собой последовательность исследовательских шагов, актуализирующих предполагаемые операции, которые совершаются при употреблении фразеологизма в речи; а «выделенные в нем позиции являются первым опытом в структурировании такого описания», поясняет М.Л. Ковшова, один из разработчиков концепции Словаря [7. С. 160]. Эти операции в логике автора становятся основой двух уровней лингвокультурологического комментирования – обычного и глубокого. Первый основан на минимальном объеме культурных и языковых знаний рядового носителя языка. Цель второго – представить культурные знаковые функции фразеологизма, для чего даются научные сведения из истории, культуры, языка, делаются выводы о знаковой культурной функции фразеологизма [7. С. 160–161].

Констатируем: термин «лингвокультурологический комментарий» неодинаково наполнен в названных работах. Это обусловлено разницей в объектах комментирования и целью самого комментария. Однако идея зафиксировать, а затем интерпретировать специфические значения языковых единиц, являющихся знаками изучаемой культуры, позволяет объединить под общим термином весьма разнородные подходы в описании материала. Как правило, подобные значения единиц не фиксируют толковые словари, но они объективно существуют в языковом сознании представителей различных лингвокультур.

Лингвокультурологический комментарий раскрывает культурную составляющую лексического значения слова, актуализирующуюся в реальной коммуникации носителей языка: «Такой конструкт позволяет показать, как “вплетается” в языковую семантику создаваемая в ходе интерпретации семантика культурная» [7. С. 160]. Его применение неизбежно при разработке лексикона культурного диалекта – аналога языкового диалекта (аналогия проведена в работах Н.И. Толстого), что обусловлено «представлением о диалекте не только как о лингвистической и территориальной единице, но и одновременно как единице этнографической и культурологической» [8. С. 21].

Соответственно, изучение лексического состава, обслуживающего традиционную народную культуру, инструментом которого является лингвокультурологический комментарий, дает возможность выявить степень «укорененности» и морфологию культурных явлений в сознании носителя диалектного языка.

Таким образом, генетическая многокомпонентная природа и «высокая степень разложимости» (А.А. Плотникова) традиционной культуры позволяют представить лингвокультурологический комментарий диалектной лексемы как текст с прозрачной композицией, основанной на изначально заложенной структуре его составляющих, которые вычленяются в реальном бытовании языковой единицы.

Значительное количество лексикографических работ (или их проекты), представляющие локальную свадебную традицию, построены на диалектном материале, собранном в полевых условиях.

Так, тематический «Словарь свадебной лексики Орловщины» М.В. Костромичёвой [9] организован по следующим рубрикам: «Этапы свадебного обряда и обрядовые действия», «Лица – участники свадебного обряда», «Ритуальные предметы». Пионерной можно считать попытку автора выйти за рамки принятой в лексикографии процедуры толкования словарной единицы. Это касается прежде всего фразеологических единиц, называющих эпизод обряда – словотолкование расширяется за счет извлеченных из иллюстраций сведений, традиционно не учитываемых лексикографами: ♦ *окна мерить*. Обрядовое действие во время осмотра хозяйства невесты: невеста измеряет размеры окон, дверных проемов, стола и т.п. [9. С. 47].

Образцом воссоздания свадебного обряда в локальной традиции на обширном материале можно по праву считать «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» [10]. Авторы практически единственного лексикографического труда соединили не только изучение структуры русского свадебного обряда и его динамику, но и его символику (одежды, пищи, предметов и пр.). Работа «представляет собой попытку описания комплекса свадебной обрядности по языковым, диалектным и фольклорным материалам» [10. С. 4]. Символы выделены в самостоятельный раздел-справочник, где в словарной единице в зоне ее толкования вычленяется культурная семантика. Представленный таким образом материал – это вектор интерпретации культурнозначимых единиц диалектного языка, где за

словом-символом закрепляются обрядовые функции: обереговые, продуцирующие, прогнозирующие и пр.

Указанные лексикографические произведения в зоне толкования ориентируются, в основном, на общерусские эквиваленты. Соотнесение лексем, объективирующей традиционную культуру, с общерусским словом, по нашему мнению, не дает адекватного представления о толкуемой реалии. Специфическое значение диалектного слова, его культурная семантика, при таком подходе опускается, в то время как лингвокультурологический комментарий ориентирован на внеязыковую жизнь языковой единицы через дополнительные энциклопедические сведения, «высвечивая» глубину его культурных смыслов.

«Словарь сибирского свадебного обряда» строится на материале говоров Среднего Приобья, объективирующих традиционную локальную культуру и демонстрирующих степень сохранности древних представлений о мире, актуальных для современного деревенского жителя. Задача лингвокультурологического комментария в Словаре – максимально полно, опираясь на имеющиеся факты живой диалектной речи, описать слово в контексте реализации в его семантике культурных смыслов.

В основе работы над Словарем лежит идея эксплицитного описания семантики лексем с культурной коннотацией, словотолкование диалектной обрядовой единицы ориентировано на представление своеобразия крестьянской культуры, объективированной говорами Среднего Приобья. Эта идея породила ряд исследовательских установок, которые, как представляется, обеспечивают ситуацию отсутствия лексикографического «домысливания» в процессе определения объема толкуемого слова:

1. В имеющихся в распоряжении составителей материалах крестьянское сообщество экстраполирует общую картину мира и общий взгляд на мироустройство.

2. Специфика традиционной культуры заключается в трансляции народных жизнеустановок через акты высказывания: соединенные в словарную статью во всей совокупности, они дают правдивую картину существования реалии.

3. Таким образом решается вопрос об объективности лингвокультурологической интерпретации. Главные критерии объективности – достаточный объем описываемого материала и регулярность воспроизведения культурной семантики в большом количестве контекстных употреблений.

4. Именно в иллюстративной части словарной статьи объективируются составляющие культурной коннотации.

Исходя из этих установок, в основу словотолкования положены параметры, выявленные в лексикографируемом материале. Источники Словаря – все диалектные словари, изданные учеными Томской диалектологической школы, их картотеки, а также архив записей живой разговорной речи селян (об источниках Словаря см. [11. С. 4]).

Покажем, каким образом слова, сопровождающие толкуемую единицу, актуализируют ее культурные коннотации. Лексемы **ПРИДАНОЕ (ПРИДАНО, ПРИДАНЫ)** в значении ‘имущество, деньги, даваемые родителями невесты при вступлении в брак’ в высказывании «поддерживаются» сведениями, которые становятся впоследствии частью лингвокультурологического комментария (в приведенных иллюстрациях они выделены): они содержат информацию 1) о составе приданого: *В Мохинский был магазин. Купила на платье. Надо придано завести: наволочку тикову, постельку, исподняя холщова, сверху тикова наволочка. Придано две подушки и постеля, полотенцы двенадцать было* [Том. В.-Кет.¹]; 2) о его количестве: *Приданова много надо было. Я пятнадцать полотенец вышивала. Подушки мама дала, три было. Перина больша была пухова* [Том. Кож.]; 3) состав и количество приданого свидетельствуют о материальном достатке семьи невесты: *Постель, подушки и-и сундук большой. Сколько приданого, и там узлов сколько* [ВС². Т. 5. С. 197]. Например, наличие верхней одежды в приданом невесты – признак ее богатства: *Приданое готовилось. Таки шубы, пальто, жакеты кладут. Яшишук покупали, кесьмой [тесьмой] убран, хоть кесьма однотонная, шёлкова, блестящая* [Том. Пар.]; 4) об участниках процесса подготовки приданого: *Свадьбу гуляли по неделе. Девки, старухи готовили приданое, соберут и везут к жениху, там гуляют и пьют; Приданое везут после* [ВС. Т. 5. С. 368]; *Раньше невеста приданое готовит. Девочк к себе на посиделки собирает, девки шьют, вяжут ей всё. Невеста собирает подруг, они ей приданое дают* [Том. Кож.]; 5) о времени транспортировки приданого в дом жениха: *Счас как свадьба пройдет, наложат приданого* [ВС. Т. 5. С. 368]; *А когда отстолуются, везут приданое в дом жениха, а там его уже мужнина родня встречает* [Том. Колп.];

¹ См. список локальных помет в конце статьи.

² Сокращенные названия томских диалектных словарей см. в конце статьи.

б) о последовательности действий в церемонии передачи приданого: *Когда свадьбу играют, поют свадебные песни. Потом приданое невестино везут, приданщик везёт его. Его угощают вином, и он отдаёт приданое* [Том. Шег.].

Содержимое *приданого* приобретает символический смысл: воспринимается как знак благосостояния новой семьи, как гарантия благополучного начала семейной жизни: *Ну, приданое готовили, раньше всегда перина, ну и дарили скотину, корову, овец, чтоб начинали жить-то* [Том. Пар.]; *А этот богатый дядечка дал маме корову. Как в приданое, ага. Вот с этого они начинали жить* [ВС. Т. 5. С. 368].

Демонстрация *сундука с приданным* являлась важнейшим эпизодом свадебного действия, который сопровождался различными присловьями, акцентирующими внимание на его размере: *Ну, а от венца привезут, поедут в церковь, повенчают, от венца везут к жениху. Сундук с приданным невесте накладывают большой, теперь везут этот сундук тоже: «Не пролезит во двери!». Опять подают [по рюмочке]* [Том. Пар.].

На основе выявленных коннотативных признаков строится композиция лингвокультурологического комментария обрядового слова.

Например, толкование слова *боярин* в «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» выглядит так: **БОЯРИН**, мн. **БОЯРЫ**, **БОЯРА** (**бояр**, **бояров**). Участник свадебного обряда, гость на свадьбе [СРСГ. Т. 1. С. 44]). В лингвокультурологическом словаре необходимо проявить ритуально значимые признаки, закрепленные за лексемой, номинирующей свадебный персонаж: 1) само наименование, имеющее, как правило, прозрачную внутреннюю форму; 2) принадлежность стороне жениха или невесты; 3) его (их) родственный; социальный (положение в общинной иерархии); возрастной статус; 3) обрядовые действия, совершаемые персонажем; 4) наличие у него обрядовых атрибутов; 4) обрядовые функции.

Материалы Словаря объективируют следующие характеристики *боярина*:

1. Почетный гость обряда со стороны жениха, участник свадебного поезда, поезжанин: *Бояры были – это почётные гости* [Том. Пар.]; *Собирает жених товарищей – бояр* [Кем. Юрг.]; *Все, кто ехал на свадьбу, назывались поезжанами. Там бояра, все гости* [Том. Том.]; *Один поп, посаламщик, бояры, все садятся по паре и по трое. Кони нарядны, красивы. Поезд идёт так хорошо красиво* [Том. Карг.].

2. Обычно близкий родственник (крестный, брат): *Боярин, тысяцкий – это хрётный* [Том. Том.]; *Раньше вот ежели женился брат, то есть у него брат старший, значит он старшего брата боярином сидит* [Том. Том.].

3. Часто уважаемый друг, знакомый: *Бояры – ваши друзья близкие* [Том. Колп.].

4. Обычно женат: *В бояры звали-то, звали женатых обычно* [Том. Том.].

5. Возраст в соответствии со статусом боярина (см. *большой (старший, высокий) средний, младший (малый) боярин*).

6. Имел высокий социально-имущественный статус: *Каждый боярин запрягает своего конька, и поехали к невесте* [Кем. Юрг.]; *Во время выкупа бояры деньги большии давали за невесту-то* [Том. Том.].

7. За ним закреплен ряд функций:

А) участвовал в выкупе невесты: *Бояры – все поезжане, придут невесту брать, это все бояры* [Кем. Яшк.]; *Раньше свадьбы лучше были, теперь не так: бояры за невестой приезжали* [Кем. Яшк.]; *Придут невесту брать – это всё бояры* [Кем. Яшк.]; *Бояры от жениха... Бояры невесту выкупают* [Том. Том.];

Б) присутствовал в церкви на венчании: *А вот если хороший был парень, ну, товарищ его-то [жениха], он тоже приезжал [в церковь], как... называли боярин. Товарищ его, товарищ жениха назывался боярин* [Том. Том.];

В) иногда выполнял роль шафера: *Бояре ездили на венчание: Едут туда [в церковь] к венцу. Дружки были, бояре венцы одиют.* [Том. Пар.];

Г) встречал в доме жениха приданое невесты: *Добром замуж выходила, девичник, с подружками, с разными, придано привозют, дружка, бояре встречают приданичников, чево есь у невесты* [Том. Пар.].

8. Как правило, был пассивен во время свадебного застолья: *Бояры – мужчины ничо не делают, сидят за столом на свадьбе* [Кем. Яшк.]; *Утром бояры садятся за стол, их в тот момент величают, бояров* [Том. В.-Кет.]. *Специально три женичины ходили, придут и бояр поют* [Том. Пар.].

Оформление толкования фразеологических единиц, актуализирующих иерархию свадебных чинов, сохраняет указание на статус, родственные связи, действия персонажа и пр. Композиция лингвокультурологического комментария фразеологической единицы выстраивается по схеме словотолкования опорной леммы.

◆ БОЛЬШОЙ (СТАРШИЙ, ВЫСОКИЙ) БОЯРИН.

1. Почётный участник обряда, близкий родственник жениха (брат, дядя, крёстный): *Рядом с женихом – большой боярин, а остальные – просто бояры. А у него был тысяцкий, большой боярин по нам-та это дядя был* [Том. В.-Кет.]; *Большой боярин или старший – это жениху хрёстный* [Кем. Яшк.]; *Большой боярин, это всё равно, что старший или высокий* [Том. Колп.]; *Бояры – поезжаны то и есть те, что ближе к жениху, – большие бояры* [Кем. Юрг.]; *Большим боярином может быть брательник* [Том. Колп.].

2. Среднего возраста: *Бояры были не сильно молодые, но большой и средний боярин старше малого-то боярина* [Том. Том.].

3. В свадебном поезде ехал на лошади.

А) после дружки: *Под венец ехали поездом... на первой лошади дружка один, на второй – большой боярин, тысяцкий* [Том. В.-Кет.];

Б) иногда после среднего боярина в следующей последовательности: дружка – малый боярин – средний боярин – большой боярин: *Дружка вперёд едет, за ним малый бояр, затем средний боярин, потом большой, потом тысяцкий с женихом* [Том. Колп.].

4. Участвовал в выкупе невесты: *Большой боярин невесту выкупал, денег много давал за неё* [Кем. Юрг.].

5. Разрезал сладкий пирог: *Бояре на конях приезжают. Старший [боярин] сладкий пирог режет. К жениху едут. Утром молода называется* [Том. Крив.].

6. Занимал специальное место за столом в соответствии со свадебной иерархией чинов: *На свадьбе дружки были, тысяцкий. Сначала тысяцкий около жениха, потом старший боярин, младший боярин сидит за столом, а после уж дружка* [Том. Пар.].

7. Имел высокий социально-имущественный статус: дарил молодым деньги в различных эпизодах обряда: *На пирог бросают кто что. Бояре обычно деньгами кладут* [Том. Шег.].

Высокий социальный, имущественный, иерархический статус *большого боярина* подтвержден и фольклорными материалами, что еще раз подчеркивает «особость» этого персонажа в общей эстетической концепции сибирской свадьбы. Фольклорное слово – обрядовая номинация персонажа – создает виртуальное обрядовое пространство, населенное условными персонажами: *У большого у боярина, / У него же стань красивая, // Ну за эту его стань государь-царь любил, кафтаном его дарил. // У большого у боярина, у него же кудри русые, /*

Как за эти его кудри государь-царь любил, чёрной шляпой подарил. // У большого у боярина, / У него же ножки резвы, / Как за эти его ножки государь-царь любил, сапогами подарил. // У большого у боярина, у него же ручки белые. / Как за эти его ручки государь-царь любил, / Перчатками подарил. // У большого у боярина, / У него же шея бела, / Как за эту его шею государь-царь любил галтусом его дарил¹.

♦СРЕДНИЙ БОЯРИН.

1. Обычно выбирался из друзей: *Большой боярин – это вот дядя, ли хрёстный, средний, младший ... из друзей приглашали* [Том. Том.].

2. Среднего возраста (см. пп. 2 ♦ **БОЛЬШОЙ (СТАРШИЙ, ВЫСОКИЙ) БОЯРИН**).

3. Занимал специальное место в свадебном поезде в соответствии со свадебной иерархией чинов: *Дружка вперёд едет, за ним малый бояр, затем средний боярин, потом большой, потом тысяцкий с женихом* [Том. Пар.]; *Свадебный поезд составляет из нечетного числа поезжан: семь-десять человек: жених, тысяцкий, три боярина: старший, средний, младший, одного или двух дружек, свахи, подружек* [Том. Пар.].

4. Как правило, был пассивен в свадебном обряде: *Делать то особого среднему боярину ничо не надо было* [Том. Пар.].

♦МАЛЫЙ (МЛАДШИЙ) БОЯРИН (БОЯР).

1. Обычно выбирался из друзей: *Бояры приезжают, ну брат ли, дядя – старший-та боярин, младший боярин – товарищи* [Том. Колп.]; *Младший боярин, ну, он самый последний, выбирали, родня что ли, друзья ли они с женихом-то* [Том. Том.].

2. Юного возраста: *Малому боярину было лет двадцать, совсем молодой* [Том. Кож.].

Как уже отмечалось, именно в высказывании происходит развертывание культурно значимых смыслов, связанных со словом. Таким образом, лингвокультурологический комментарий строится на базе **всего** имеющегося в распоряжении исследователя материала, учитывает **все** факты реализации лексем, с опорой на них представляется зона толкования обрядового слова.

Толкование слов-символов производится также на основе всех семантических вариантов, реализуемых лексической единицей в дис-

¹ Текст песни записан от А.Н. Нестеровой (село Большое Нестерово Парабельского района Томской области в 1951 г.).

курсе свадебного обряда. Так, лексема **ЁЛКА (ЁЛОЧКА)** символизирует этап начала церемоний и эксплицирует семантику замещения невесты. Находим подтверждение символического значения слова в «Этнолингвистическом словаре свадебной терминологии Северного Прикамья»: «Ель. Вечнозелёное растение, воспринимаемое как символ постоянства и исключённости из повседневности и жизни вообще; как средство сакрализации использовалось в свадебной традиции аналогично с традицией похоронной» [10. С. 228]. Лингвокультурологический комментарий в «Словаре сибирского свадебного обряда» выглядит так: **ЁЛКА (ЁЛОЧКА)**. Вечнозелёное растение небольшого размера, устанавливается на угол стола, обычно в субботу. В подножье Е. кладется хлеб. Символизирует начало свадебных церемоний. Используется в качестве заместителя невесты: её украшают, наряжают. В эпизоде выкупа-продажи невесты символически используется в качестве предмета торга. – *Небольшую такую ёлочку привозят с леса, наряжают её, булочку хлеба. Всегда в четверг, пятницу венчались. В понедельник никогда не начиналось. В субботу начинается свадьба, ставят ёлку на стол, так, в углу. Сидит невеста, кругом подруги, свадебные песни поют. Плачет сидит, едет в чужой дом [Том. Пар.]; Ёлку выкупали. Дружка платит за ёлку двадцать рублей. Ёлку украшали бумагой цветной, красивой её делали [Том. Зыр.]; Наряжают ёлку, две бутылки ставят, и за ишлец, и за мылец, и за тёлочку продадут [невесту]. Неделю девки на невесту шли. Ну, [говорят жениху] надо на вуаль там. От у нас невеста, дорога. Девки-то рот разинут, а дружки, а дружки – он эту ёлку «цоп» и украдут. Девки за ёлкой, а жених к невесте за стол. Тогда девки из-за стола вываливают, он своих гостей насадит. И от дорит, дорит [Том. Пар.]*

Порядок расположения иллюстративного материала совпадает с композицией комментария, является своеобразным зеркальным отражением научного представления обрядовой единицы.

Итак, последовательность развертывания лингвокультурологического комментария в «Словаре сибирского свадебного обряда» основывается на всех имеющихся в распоряжении исследователя фактах реализации лексической единицы, учитывает ее контекстное окружение, в котором актуализируется культурная коннотация слова. Иллюстрации словарной статьи располагаются в соответствии с композицией комментария. Описанная процедура может стать универсальной основой для последующих лексикографических трудов, изучающих культурную семантику диалектного лексикона.

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
2. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М. Диалектный «Словарь детства»: в поисках лексикографического формата (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 22–28.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Институт славяноведения РАН, 1995–2012.
4. Плотникова А.А. Славянские культурные диалекты в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» // Славянский альманах. М. : Индрик, 2003. С. 291–298.
5. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
6. Брилёва И.С., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковинова М.Л., Красных В.В. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред.: В.Н. Телия. М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. 784 с.
7. Ковинова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 456 с.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 262 с.
9. Костромичева М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. Орёл : Изд-во Орлов. гос. ун-та, 1998. 218 с.
10. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь : Перм. книж. изд-во, 2004. 360 с.
11. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М., Агапова Н.А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 200 с.

Источники

- ВС** – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 5.
- СРСГ** – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. Т. 1.

Локальные пометы

- Том.** – Томская область
В.-Кет. – Верхне-Кетский район
Зыр. – Зырянский район
Карг. – Каргасокский район
Кож. – Кожевниковский район

Колп. – Колпашевский район
Крив. – Кривошеинский район
Пар. – Парабельский район
Том. – Томский район
Шег. – Шегарский район
Кем. – Кемеровская область
Юрг. – Юргинский район
Яшк. – Яшкинский район

On the Peculiarities of the Interpretation of Lexical Units in a Dialect Linguocultural Dictionary

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 77–91.

DOI: 10.17223/22274200/16/5

Tatiana B. Bankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: tatabank@mail.ru

Keywords: traditional culture, dialect language, ritual word, wedding rite, linguocultural dictionary, cultural connotation, linguocultural commentary.

The aim of this article is to substantiate the logic of building a procedure for interpreting lexical units in the *Dictionary of the Siberian Wedding Rite*, which is linguocultural in type. The actual basis of the dictionary is the Middle Ob region dialects, from which vocabulary words that represent the Siberian wedding ceremony were extracted. To implement the pioneer lexicographic idea, a new format of material interpretation is required, which implies adjustments to the representation of the linguocultural description. The article aims to solve problems related to the specifics of word interpretation: namely, going beyond the limits of traditional semantization and establishing a boundary between the descriptions of a word's meaning and of its cultural encyclopedic component. The tool for the interpretation of the wedding lexicon is a linguistic and cultural commentary, which consistently reveals the cultural component of the lexical meaning of the word, actualized in the real communication of native speakers. The article shows how the cultural connotative component is revealed in the semantics of the lexeme implemented in a dialect utterance, it is in it that the culturally significant meanings associated with the word are developed. Thus, a linguocultural commentary is a text with a clear composition. Its structure is based on facts of the real existence of a language unit. It is built on the basis of all the material available to the researcher and takes into account all instances of the lexeme's use, which supports the interpretation of the ritual word. Due to the inclusion of additional, as a rule, encyclopedic, information about the semantics of the lexicographed unit, taking into account all the facts of the realization of cultural meanings, the interpretation zone is expanded. The illustrations in the dictionary entry are arranged in accordance with the composition of the commentary, they are a mirror image of the scientific lexicographic description. Presented in the totality of implementations, the dictionary unit objectifies the traditional local culture. The procedure of linguocultural commenting presented in the article can become a universal basis for subsequent dictionary works studying the cultural semantics of the dialect vocabulary.

References

1. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskiiy Proyekt.
2. Bankova, T.B. & Ugryumova, M.M. (2016) Dialect "Dictionary of childhood": in search of a lexicographical format (a case study of the Middle Ob dialects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 22–28. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/3
3. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS.
4. Plotnikova, A.A. (2003) Slavyanskiye kul'turnyye dialekty v etnolingvisticheskom slovare "Slavyanskiye drevnosti" [Slavic cultural dialects in the "Slavic Antiquities" ethnolinguistic dictionary]. *Slavyanskiy al'manakh*. Moscow: Indrik. pp. 291–298.
5. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoye kul'turnoye prostranstvo* [Russian Cultural Space]. Moscow: Gnozis.
6. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenkiye. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-Press Kniga.
7. Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguoculturological Method in Phraseology: Codes of culture]. Moscow: LIBROKOM.
8. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
9. Kostromicheva, M.V. (1998) *Slovar' svadebnoy leksiki Orlovshchiny* [Dictionary of Wedding Vocabulary of the Oryol Region]. Oryol: Oryol State University.
10. Podyukov, I.A., Khorobrykh, S.V. & Antipov, D.A. (2004) *Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya* [Dictionary of Wedding Terminology of Northern Prikamye]. Perm: Permskoye knizhnoye izdatel'stvo.
11. Bankova, T.B., Ugryumova, M.M. & Agapova, N.A. (2017) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovyye voploshcheniya* [Constants of Russian Folk Culture: Language embodiments]. Tomsk: Tomsk State University.

Sources

- Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.
- Palagina, V.V. (ed.) (1964) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian Dialects of the Old-Timers of the Middle Part of the Ob River Basin]. Tomsk: Tomsk State University.